

После того как письмо было отправлено, Лян Боцин заметно успокоился. Он понимал: плоды его затеи вряд ли проявятся раньше следующей весны.

Всё это время он не только давал уроки трём своим ученикам, но и ввёл строгое правило: ежедневно списывать по десять листов для практики каллиграфии. Под горячую руку попал даже Ван Ин — его тоже заставили практиковаться вместе со всеми.

— Господин Лян, мне ведь не нужно сдавать государственные экзамены, — жаловался юноша, склонившись над бумагой. — Зачем мне изнурять себя этим письмом?

— Даже если не идёшь на экзамены, почерк должен быть достойным, — ворчал старик. — Ты только посмотри на свои каракули! Курица лапой и то чище напишет.

Ван Ин не обижался на ругань, лишь весело улыбался в ответ:

— Главное же, что прочитать можно.

— Почерк — это лицо человека. Если буквы кривые да косые, то и впечатление о тебе у людей будет дурным. В Киото дочери и гэ'эры из благородных семей — все как один мастера каллиграфии.

— Ой, да я всего лишь деревенщина. Мне в столице, может, за всю жизнь побывать не доведётся.

Лян Боцин в сердцах хлопнул бамбуковой линейкой по столу:

— Ерунду не пори! Под моим началом даже эти трое оболдуев в люди выбьются!

На самом деле старейшина недоговаривал главного: он считал, что таланту Ван Ина грех пропадать в глуши. Умение выводить семена могло прокормить тысячи людей! Если в будущем представится случай... возможно, юноша сможет поступить на службу, несмотря на статус гэ'эра. Подобное случалось и прежде: в эпоху династии Ци бывали случаи, когда гэ'эры занимали даже пост первого министра, хотя путь этот был невероятно тернист.

Ван Ин не посмел больше спорить с упрямым стариком и принялся за учёбу. Со временем его рука окрепла, и он действительно научился писать изящным стилем «Няньхуа Сяокай».

Единственной бедой была его привычка из прошлой жизни использовать упрощённые иероглифы. В его письме то и дело «не хватало рук или ног», отчего господин Лян только сердито топорщил бороду и сверкал глазами.

Днём они практиковались под надзором учителя, а по вечерам супруги продолжали занятия уже в своей спальне.

Ин выводил пальцем строчки из «Оды павильону прощания» прямо на груди Чэнь Цинъяня. Но не успевал он дойти и до середины, как рука его неизменно ныряла ниже пояса мужа, где её тут же перехватывали, пускаясь в ответные ласки.

Стоит сказать, что за всё это время они лишь помогали друг другу руками, не пробуя ничего иного.

Но сегодня Ван Ина посетила шальная мысль. Он взял со стола новенькую кисть для письма и, обмакнув кончик в воду, провёл ею по разгорячённому естеству супруга. Мягкий ворс, влажный и прохладный, коснулся самой чувствительной плоти, заставив Чэнь Цинъяня крупно вздрогнуть.

— Брат, не балуй... — выдохнул тот, сжимая простыни.

Ван Ин прижал ладонь к его груди, не давая пошевелиться, и принялся медленно погружать кончик кисти в крошечное отверстие, размазывая выступившие капельки влаги.

Чэнь Цинъянь не выдержал. Он перехватил руку проказника, перевернул его на спину и, не выпуская кисти, начал медленно погружать её в податливое тело супруга.

Для Ван Ина это было первое подобное вторжение. Он не почувствовал отторжения — тело гэ'эра по своей природе отличалось от мужского. Гладкое дерево скользило внутри, вызывая странный, почти невыносимый зуд.

Юноша закусил нижнюю губу, сдерживая рвущийся наружу стон. Спустя мгновение там, внутри, стало так влажно, что звук движений стал отчётливо слышен в тишине комнаты.

— Брат, я хочу... — Цинъянь прильнул к его губам, покрывая поцелуями лицо и шею, спускаясь к самому родимому пятну беременности. После нескольких ласк в этой заветной точке Ван Ин окончательно сдался.

— Только... помедленнее...

Чэнь Цинъянь замер от восторга. Брат наконец-то согласился!

Последствия ночного пыла не заставили себя ждать: на следующее утро оба выглядели совершенно разбитыми. За одно только утро Чэнь Цинъянь получил от учителя шесть или семь

ударов линейкой по ладоням за невнимательность. В конце концов Лян Бочин, вконец рассерженный, схватил удочку и ушёл на берег реки.

Погода с каждым днём становилась всё жарче. Овощи на полях созревали один за другим, и торговля в лавке пошла на спад — у каждого теперь было своё.

В прошлом месяце они выручили всего шесть связок монет, а вчера Дуньцзы, вернувшись из города, сообщил печальные вести: овощи не раскупаются, в такую жару они попросту гниют на прилавках.

Ван Ин решил заменить овощи льдом, но главным вопросом оставалось то, как именно его продавать.

Обычный лёд в городе стоил десять взней за кусок. Его покупали только богатые дома для охлаждения комнат; простым людям такая роскошь была не по карману, да и нужды в ней они не видели.

Юноша не хотел торговать просто льдом. Спрос на него невелик, да и прибыли много не выручишь. Он задумал нечто иное — ледяные палочки и мороженое. В такой зной каждый захочет потратить монету-другую, чтобы хоть ненадолго прогнать жару.

Приняв решение, Ин заказал деревянные формы и созвал деревенских ребятишек, чтобы те помогли настругать палочки. Он не заставлял их работать даром: за сотню штук платил пять взней. Старшие дети ухитрились зарабатывать до десяти взней в день.

Затем настала очередь приготовления самой смеси. Ван Ин использовал солодовый сахар и козье молоко. Чтобы отбить специфический запах, он добавил сок кислой травы — это придало вкусу свежесть.

Смесь доводили до кипения, остужали и разливали по формам. Затем всё это относили на Экспериментальное поле, где благодаря зональной регулировке температуры мороженое застывало всего за час.

Достав первую порцию, Ин попробовал одну палочку. Вкус был простоватым — до современного сливочного пломбира ему было далеко, — но для лишённой изысканных десертов древности это лакомство казалось чем-то невероятным.

В полдень он вынес угощение остальным.

— Невестка, что это за диковина? — спросил Чэнь Цинсун, разглядывая белую палочку.

— Это называется бингунь. Попробуйте, как вам вкус?

— М-м-м, вкусно!

В такой жаркий день одно только это холодное лакомство прогоняло всякую вялость. Видя, как довольно щурятся ученики, старейшина Лян тоже не удержался.

— Я пробовал ледяные напитки в Янчжоу, но чтобы вот так, на палочке... Это впервые. Как же ты его заморозил?

Ван Ин был готов к этому вопросу. Способ получения льда с помощью селитры он изучал ещё в школе.

Он положил селитру в деревянный таз, залил водой, а внутрь поставил фарфоровую чашу с чистой водой. Спустя недолгое время вода в чаше начала превращаться в лёд.

— Невестка, это же настоящее волшебство! — ахнул Чэнь Цинхуай. — Я видел в Лайчжоу алхимиков, они проделывали нечто подобное!

— Какое там волшебство, — рассмеялся Ин. — Это простая наука. Селитра при растворении в воде поглощает тепло, отчего всё вокруг остывает. К тому же её можно использовать снова: когда лёд растает, селитру можно собрать и пустить в дело ещё раз.

Разумеется, это было лишь прикрытие. Куда проще было морозить всё на Экспериментальном поле: поставил — и забыл, через час готово.

Увиденное поразило всех присутствующих. Даже повидавший виды Лян Боцин не мог не признать: талантов у молодого Вана было не счесть!

В тот день они съели по три палочки кряду, прежде чем Ван Ин спохватился:

— Довольно! Вещь эта холодная, для желудка тяжёлая. Не ровен час занеможете.

Старейшина лишь отмахнулся: мол, в такую жару прохлада только на пользу. Итогом этой жадности стало то, что все четверо провели пол-ночи, бегая в уборную, и на следующий день на холодное даже смотреть боялись.

Несмотря на это, вкус бингуней признали отменным, и Ин приступил к массовому производству. С помощью дяди Чэня дело шло быстро.

В первый раз они приготовили две сотни палочек. Уложили их в деревянный ящик, укрыв соломой и одеялами в несколько слоёв для сохранения холода. Рано утром Ван Ин отправился в город.

Сегодня был базарный день. По пути им то и дело попадались односельчане: после сбора урожая у многих завелась лишняя копейка, и люди шли в город, чтобы что-то продать или прикупить необходимое.

— Господин, и вы в город? — окликали юношу крестьяне.

— Да, нужно кое-какие дела уладить.

Добравшись до города, Ван Ин сразу направился в лавку. Едва повозка остановилась, к ним подошла соседка, торговавшая кунжутным маслом.

— Лавочник Ван! Сколько лет, сколько зим! — приветствовала она его.

— Невестка Сун.

— Слыхала от вашей золовки, что вы в поместье уехали. Насовсем вернулись?

— Нет, привёз кое-что.

Дуньцзы выгрузил тяжёлый ящик. Ван Ин достал одну ледяную палочку и протянул соседке:

— Летом овощи плохо идут, вот я и решил сменить товар. Будем продавать молочные бингуни. Попробуйте, как вам?

Госпожа Сун с любопытством откусила кусочек и так и замерла:

— Ох, матушки... Какая прелесть! И почём такая радость?

— Две монеты за штуку. А если берёте три — то за пять вэней.

— Да это же почти даром! А ну, дай-ка мне три штуки, ребятню побалую.

Ван Ин не ожидал, что торговля пойдёт так быстро. Он поспешно отсчитал ей товар:

— Ешьте скорее, а то на таком солнце мигом растает.

— Сейчас-сейчас, я только за деньгами сбегаю...

— Оставьте, — махнул рукой Ин. — Пара монет того не стоит. Лучше расскажите соседям, если

понравится.

Женщина расплылась в улыбке:

— Будь спокоен, лавочник! Уж я постараюсь, чтобы об этом каждый малец в округе узнал!

В лавке их ждали Чэнь Цинъюнь, Линь Цю и Линь Суй. Они радостно выбежали навстречу:

— Невестка вернулась!

— Привезла вам то, о чём говорила. Пробуйте скорее.

Цинъюнь принялась разматывать одеяла:

— Ого, сколько слоёв наворотили!

— Чтобы холод не ушёл. Если быстро не укрыть, всё в воду превратится. Достали — и сразу закрывайте.

Бингуни были нежно-молочного цвета, длиной в ладонь. Пахли они свежими сливками, а на вкус были сладкими-сладкими.

— Какая вкуснотища!

— Вкусно-то вкусно, да только не ешьте много сразу. Живот прихватит — Цинсун с братьями вчера уже проверили на себе, — Ван Ин рассмеялся, вспомнив их злоключения.

Линь Цю достал счётную книгу:

— Дела в лавке идут неважно. Вчера всего две сотни вэней выручили, да и то на одних томатах. Остальное почти не берут.

— Пустяки. С завтрашнего дня овощи возить не будем. Будем торговать только мороженым. Цена — два вэня за штуку, пять — за три. Так до самых холодов.

— Всего два вэня? — ахнула Чэнь Цинъюнь. — Да за такую вкуснятину и пять не жалко отдать!

— Нам выгодно брать объёмом. Себестоимость у них копеечная, даже при такой цене мы будем в доброй прибыли.

Сахар Ин делал сам, молоко крестьяне отдавали почти даром, единственной тратой была оплата за палочки. Юноша рассудил мудро: если задрать цену, товар станет недоступен простым людям, а это может привлечь ненужное внимание завистников.

Закончив с делами, Ван Ин разделил накопленную прибыль на три части: себе, братьям Линь и Цинъюнь. За три месяца они выручили больше семидесяти лянов серебра. За вычетом всех расходов каждому досталось по двадцать лянов — огромная сумма для молодых людей.

Линь Цю замялся:

— Невестка, это... это слишком много. Я не могу принять столько.

— Бери. Тебе скоро свадьбу играть, траты будут на каждом шагу.

Цинъюнь же протянула свои деньги обратно:

— А мои ты себе сохрани. Мне замуж пока не к спеху.

— И мои сохрани, — подхватил Линь Суй. — Мне тоже пока рано.

— Ах вы, сорванцы! Решили надо мной подшутить? — юноша в шутку замахнулся на них, и те с хохотом выбежали за дверь, едва не сбив с ног стайку детей.

Это были ребяташки из соседней лавки. Распробовав угощение, они выпросили у матери денег и прибежали за добавкой.

— Это здесь ледышки сладкие продают?

— Здесь!

— Нам три штуки!

Линь Цю ловко принял монеты и выдал лакомство. Дети замерли на пороге, с наслаждением облизывая тающие палочки. Прохожие тут же стали замедляться:

— Эй, малец, что это ты там ешь?

— Бингунь!

— А где взял? Почём?

— В лавке Вана, вон там! Сладкий-пресладкий!

— Что, и впрямь сладкий?

Вскоре у дверей лавки выстроилась длинная очередь. Две сотни палочек разлетелись меньше чем за час, и многим опоздавшим пришлось разочарованно спрашивать, привезут ли ещё завтра.

Ван Ин и сам не ожидал такого успеха. Похоже, по возвращении в поместье придётся серьёзно расширять производство!

<http://bllate.org/book/15812/1439579>